

КРИСТИНА БРУК

Великолепный
любовник

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б 89

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Christina Brooke
THE GREATEST LOVER EVER

Перевод с английского *И.А. Франк-Каменецкой*
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства St.Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Брук, Кристина.

Б 89 **Великолепный любовник: [роман] / Кристина Брук; [пер. с англ. И. А. Франк-Каменецкой]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Шарм).**

ISBN 978-5-17-084320-6

Когда-то гордая Джорджиана Блэк нанесла обиду графу Бэкенхему прямо на балу, что повлекло за собой разрыв их помолвки. Однако теперь, когда все, казалось бы, давно забыто, а граф благополучно обручен с ее младшей сестрой, страсть, некогда приутихшая, разгорается с новой силой, и Джорджиана вступает в скандальную связь с Бэкенхемом.

Общество негодует. Репутация любовников погибла. Единственный путь к ее спасению — немедленный брак графа с «обесчещенной» красавицей. Однако Джорджиана отнюдь не стремится к брачным узам, пока граф не докажет, что любит ее по-настоящему..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Christina Brooke, 2013

© Перевод. И.А. Франк-Каменецкая, 2014

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-084320-6

Пролог

На ладони графа Бэкенхема лежал женский локон необычайно редкого оттенка. Поэт назвал бы его «тициановским», но Бэкенхем считал такое определение слишком изысканным. Ярко-рыжий завиток полыхал, словно язычок пламени, что вполне соответствовало нраву его обладательницы, увлеченно игравшей с огнем.

Теперь ей придется кое-что объяснить.

У него на скулах обозначились желваки. Пальцы сомкнулись вокруг локона, сжались в кулак. В Лондоне только одна женщина с такими волосами. Мисс Джорджиана Блэк, будущая графиня Бэкенхем.

Двери раскрылись. Она вошла в библиотеку, грациозно обмахиваясь веером. Ее красота, как всегда, подействовала на Бэкенхема будто удар в солнечное сплетение. Золото превосходно уложенных волос, сияющие глаза цвета морской волны, атласная кожа.

Не поскупившись на краски, природа вдобавок одарила ее роскошной фигурой. Любая куртизанка продала бы душу дьяволу за столь соблазнительные формы. В лондонских светских собраниях мисс Джорджиана Блэк выделялась, словно экзотическая райская птица среди гусынь.

Его невеста.

В последнее время он, похоже, только тем и занимался, что пытался ее урезонить, образумить и призвать к порядку. В ответ своенравная красавица вела себя все хуже. Дальше так продолжаться не могло.

— В чем дело, Маркус? Нельзя ли отложить разговор? — томно спросила она.

Белоснежный туалет выгодно подчеркивал ее яркую внешность. Платье с глубоким вырезом было расшито хрустальными бусинами, при каждом движении они переливались на свету в унисон с мерцанием изысканного бриллиантового ожерелья.

Он вызвал ее, и она пришла. Однако бал у герцога Монфора был в разгаре, и ей явно не терпелось скорее вернуться к танцам.

— Боюсь, потом может быть поздно, — ответил Бэкенхем, вполне допуская, что встретит ближайшее утро, лежа на холодной земле с пулей между глаз. — Я должен задать тебе один вопрос. — Он решительно разжал руку и положил огненный локон на письменный стол. — Сделай одолжение, расскажи мне, как это попало к лорду Пирсу?

Джорджиана удивленно распахнула глаза и непроизвольно поправила прическу.

— Но... но ведь это мои волосы. Откуда же они у... — Прекрасные брови сошлись на переносице. — Во всяком случае, не от меня. — Она сердито посмотрела на Бэкенхема. — Неужели ты думаешь, что я преподнесла такой подарок этому ловеласу?

Нет, он так не думал, а если и думал, то не дольше секунды.

Но граф был в ярости. На себя, за то что поддался на провокацию Пирса. На Джорджи — всему виной могла быть только ее вопиющая беспечность.

— У тебя есть другое объяснение? — язвительно поинтересовался он.

Она пожала плечами:

— Нет. Хотя должно быть, поскольку я своих локонов никому не дарила.

Она говорила просто, уверенно и спокойно. Если бы Бэкенхем с тем же спокойствием воспринял лживые намеки Пирса, было бы куда лучше. Дуэль даст богатую пищу для сплетен и повредит репутации Джорджи. Надо постараться уберечь ее. Кроме того, неплохо бы сохранить собственную жизнь, но это отдельный вопрос.

— Полагаешь, в обществе тебе поверят?

Она вздернула подбородок:

— Маркус, меня не волнуют светские пересуды. Главное, веришь ли ты. Остальные тут решительно ни при чем.

Он шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Нельзя забывать, что Джорджи всего восемнадцать. Не по годам свободная и уверенная, девушка во многом оставалась по-детски наивной и не понимала, какими тяжелыми последствиями чревато ее легкомысленное поведение.

— Итак? — произнесла она с видом оскорбленной невинности. — Ты мне веришь?

— Да, — кивнул он. — Верю.

— Надеюсь, лорд Пирс получил от тебя по заслугам, — сказала она. — Если нет, я сама дам ему по носу.

Спасибо кузену Лидгейту — не окажись его рядом, Бэкенхем просто задушил бы Пирса. Хотя стоит ли благодарить Лидгейта, выяснится только после дуэли. Пирс определенно уступал Бэкенхему в физической силе, но слыл первоклассным стрелком.

— Я поговорил с твоим отцом. Мы оба считаем, что тебе лучше пожить в поместье, пока не улягутся слухи.

— Это шутка? — возмутилась она. — Пирс состряпал нелепую историю, а мне придется уехать из Лондона?

Ему хотелось обойтись без упреков, но резкие слова сами слетели с его языка.

— Если бы ты держалась скромнее, у Пирса не было бы поводов для грязных инсинуаций.

— Чуть! — Джорджи сложила веер и гневно швырнула на стол. — Я не виновата в том, что джентльмены так легко теряют голову и устраивают вокруг меня всякие дурацкие игрища.

Он прекрасно знал, как действует на мужчин ее соблазнительная внешность. Джорджи выделялась из круга сверстниц и должна была вести себя более осмотрительно, чем другие дебютантки. Но она не упускала случая подразнить блюстителей нравов, рискуя приобрести скандальную репутацию ветреной особы, которая, скорее всего, «плохо кончит».

Бэкенхем отчаялся повлиять на невесту. Каждое его замечание приводило к новым сомнительным поступкам. Он допустил ошибку, согласившись назначить свадьбу на конец сезона. До той поры Джорджи непременно вовлечет их обоих в какой-нибудь грандиозный скандал. Необходимо срочно удалить ее из Лондона.

— Утром твой отец отвезет тебя в Глостершир, — сказал он. — Я приеду через несколько дней. Надо разобратся с... делами.

Джорджи уловила легкую заминку и подозрительно прищурилась.

— С какими делами?

Бэкенхем промолчал. Она могла бы избавить его от неуместных вопросов. Дуэли запрещены законом и не подлежат обсуждению с дамами.

Джорджи направила на него указательный палец:

— С какими делами, Маркус?

Под прицелом сине-зеленых глаз он скользнул взглядом по локону, рдевшему на письменном столе Монфора, и вновь посмотрел ей в лицо.

Она побелела как полотно.

— Ты ведь не станешь из-за этого стреляться с Пирсом?

Он не ответил.

Ее зрачки расширились от страха. Шелестя юбками, девушка стремительно обогнула стол и взяла Бэкенхема за руку.

— Маркус, прошу тебя, не придавай значения проискам Пирса. Не доставляй ему такого удовольствия. Боже милостивый, ты рискуешь не чем-нибудь, а собственной жизнью.

Стоило Джорджи прикоснуться к нему, и у него тотчас возникло сильнейшее желание заключить ее в объятия и поцеловать. Быть может, в последний раз.

Однако он преодолел искушение и убрал ее ладонь со своего рукава.

— По-твоему, я должен поступить как трус.

— По-моему, ты должен поступить как разумный человек, — возразила она. — Куда подевалась твоя обычная рассудительность? Тебе не надо ничего доказывать Пирсу и ему подобным.

Заметив блеснувшие в ее глазах слезы, граф отвел взгляд.

— Я позабочусь, чтобы тебе сообщили, чем закончится поединок.

— Я не поеду в Глостершир, — с горячностью заявила она. — И не позволю тебе драться с Пирсом.

— Не пытайся повелевать мною, как восторженным юнцом из толпы твоих поклонников, — вспыхнул он. — Я не могу отказаться от дуэли. Не могу и не хочу. Это дело чести.

Она махнула рукой:

— Когда тебя убьют, честь тебе уже не понадобится.

— Твоя уверенность необыкновенно воодушевляет, — сухо отозвался он.

— Думаешь, мне хочется, чтобы Пирс тебя убил? Или чтобы ты убил его и был вынужден бежать из страны?

Ее напористость раздосадовала Бэкенхема. С трудом сохраняя внешнее спокойствие, он твердо произнес:

— Джорджи, разговор окончен. Я и так сказал тебе больше, чем следовало.

— Маркус, услышь меня наконец!

Она в отчаянии бросилась на него и принялась бить в грудь кулачками. По алебастровым щекам заструились слезы, изящный нос покраснел...

Бэкенхем застыл, от души жалея, что вызвал ее в библиотеку.

Джорджи схватила его за лацканы фрака, поднялась на цыпочки и, чуть сократив существенную разницу в росте, процедила сквозь зубы:

— Если ты сию же секунду не пообещаешь отменить дуэль, считай нашу помолвку разорванной. Я не желаю иметь ничего общего с этим безумием.

Его пронзила острая, почти физическая боль. Между ним и Джорджианой все кончено. Он не из тех, с кем можно говорить на языке угроз и шантажа.

— Так тому и быть, — холодно произнес он и, вывободившись из ее рук, отступил на шаг назад. — Я сообщу твоему отцу, что теперь вся ответственность за тебя лежит только на нем. И пожелаю ему удачи.

Замерев, она взглянула на Бэкенхема так, словно тот дал ей пощечину. Словно он предал ее. Словно именно он разорвал помолвку.

Через мгновение на бледных щеках вспыхнул румянец.

— Маркус, если ты умрешь, — ее низкий голос дрогнул, но тотчас вновь окреп, — я тебе этого никогда не прощу.

Он горько усмехнулся:

— Если я умру, мой бесплотный дух явится по твою душу, Джорджи Блэк.

Глава 1

Брайтон, Англия, шесть лет спустя...

До виллы кузена Ксавье оставалось всего несколько минут езды. Путешествие из Глостершира в Брайтон изрядно утомило Бэкенхема. Хотелось принять ванну,

поест и выпить бокал вина. Хотя, пожалуй, лучше начать с последнего.

Бэкенхем терпеть не мог Брайтон летом. В жаркие месяцы высшее общество съезжалось на побережье и предавалось безудержному веселью. Курортный город — не столица империи. В Лондоне каждый знал свое место, здесь же царила расслабленная и вместе с тем опасная атмосфера всеобщего попустительства, чтобы не сказать вседозволенности.

Бэкенхем не искал сомнительных развлечений. Он приехал в Брайтон по делу и рассчитывал сегодня же вечером переговорить с Ксавье, а завтра рано утром отправиться обратно в поместье.

Но не зря говорится: если хочешь насмешить Бога — расскажи ему о своих планах.

Планы Бэкенхема рухнули в тот миг, когда его карета свернула за угол. Дорога, освещенная факелами, была запружена экипажами, паланкинами и множеством людей в маскарадных костюмах. Этот пестрый поток стремился туда же, куда и сам Бэкенхем.

Прощайте надежды на тихий вечер! Ксавье, маркиз Стейн, собрал публику на один из своих скандально знаменитых приемов.

Бэкенхем негромко чертыхнулся, откинулся на бархатные подушки сиденья и закрыл глаза. Может быть, пока не поздно, приказать кучеру развернуть лошадей, вернуться в Глостершир?

Он готов был побиться об заклад, что на сей раз проклятое действие приурочено к его приезду. На пышных маскарадах маркиза Стейна гостям предлагалось окунуться в пучину удовольствий особого сорта — от весьма рискованных до откровенно непристойных.

Ксавье нравилось шокировать людей. Особенно добропорядочного кузена, графа Бэкенхема. Тем более что добропорядочный кузен решил найти подходящую жену и попросил совета у Ксавье.

Конечно, было бы логичнее обратиться с подобной просьбой к их бывшему опекуну, герцогу Монфору. Глава обширного семейства Уэструтеров славился умением подбирать блестящие партии для своих многочисленных подопечных.

Герцог как нельзя лучше выдал замуж Джейн, Розамунду и Сесилию. Каждый из брачных союзов оказался не только выгодным, но и счастливым.

Бэкенхем радовался за кузин, однако сам не нуждался в «блестящей партии». Богатства и знатности ему вполне хватало, осталось позаботиться о продолжении рода. Будущая графиня Бэкенхем должна произвести на свет наследников и не доставлять хлопот супругу ни до, ни после свадьбы. Ему нужна была разумная, ответственная девица, готовая к рождению детей и ведению хозяйства.

Бэкенхем знал, чего хочет, но в определенном смысле отстал от жизни. После унижительной истории с Джорджи он отказался от участия в светских сезонах, лишь однажды сделав исключение — для первого бала Сесилии. У него не было ни малейшего желания ехать в Лондон и знакомиться со всеми дебютантками. Проще казалось сэкономить силы и время, попросив помощи у Ксавье.

Маркиз Стейн превосходно разбирался в людях и знал свет как свои пять пальцев. К тому же в этом деле у него не было собственных интересов и личных пристрастий. Чего никак не скажешь об остальных

родственников: кузины непременно принялись бы устраивать Бэкенхему брак по любви, а герцог Монфор — по расчету.

Бэкенхем отнюдь не жаждал деятельного участия и не собирался перекладывать свои заботы на чужие плечи. Он просто надеялся, что Ксавье назовет именно четырех-пяти молодых особ, к которым есть смысл присмотреться.

Он посылал Ксавье письмо за письмом, но так и не дождался ответа.

Оставалось одно — приехать на виллу и не двигаться с места, пока кузен не согласится поразмыслить на заданную тему и огласить свои соображения.

Поэтому Бэкенхем не стал поворачивать обратно. Его карета пополнила длинную вереницу экипажей и поползла с черепашьей скоростью. Он приказал кучеру остановиться, вышел и устремился сквозь нарядную толпу, словно черная летучая мышь в окружении ярких бабочек.

Пусть себе порхают, лишь бы не путались под ногами. Ему недосуг отвлекаться на всякую мишуру. Удивительно, что Ксавье не жалеет времени на подобные забавы, имея столько дел по управлению более чем солидным состоянием.

Бэкенхем и маркиз Стейн выросли вместе. У них было весьма необычное детство. Они и еще пять кузин и кузенов воспитывались не в собственных семьях, а в доме могущественного и властного герцога Монфора. Но Ксавье всегда держался особняком, и с годами его своеобразный характер отнюдь не улучшился.

В нескольких шагах от виллы какой-то болван ни с того ни с сего выхватил из подставки факел и при-

нялся им размахивать. Бэкенхем отпрянул и, чудом избежав огня, едва не угодил в фонтан, где плескались игривые наяды.

Вежливо, но твердо он пресек их кокетливые притязания, смахнул с рукава брызги воды и поднялся по ступеням парадной лестницы.

За порогом его ожидало буйство красок, звуков и запахов. Чего тут только не было! Перья, кружева, шелка и бархат; музыка, звон бокалов, гомон и хохот; жар свечей и блеск драгоценностей; аромат духов, винные пары, дым сигар...

Хорошо бы оказаться дома, в уютном кресле у камина, с хорошей книгой на коленях и бокалом бренди под рукой. Здесь все только начиналось, и веселье явно не достигло своего кошмарного апогея. Во всяком случае, пока гости были полностью одеты. Наяды не в счет — скорее всего, Ксавье нанял девиц в каком-нибудь борделе.

Рядом возникла внушительная фигура дворецкого. Он служил у Ксавье много лет и при любых обстоятельствах сохранял невозмутимость, однако при виде Бэкенхема глаза чуть заметно потеплели.

— Желаете отдохнуть и подкрепиться с дороги, милорд?

— Не сейчас, Мартин, — Бэкенхем снял перчатки, положил их в шляпу и отдал дворецкому. — Сначала я хотел бы встретиться с кузеном, остальное подождет.

Прежде всего он должен был понять, в каком настроении Ксавье. Может быть, тот вообще не собирался появляться на публике. Порой ему случалось впадать в аскезу именно тогда, когда в его доме шла оргия.

— Вы найдете господина маркиза в гостиной, милорд, — с поклоном сообщил дворецкий.

Аскеза была исключена.

— Пожалуй, вы правы, Мартин. Я немного устал и проголодался. Будьте добры, передайте его светлости, что я жду в библиотеке, и распорядитесь принести туда хлеб, сыр и бутылку вина.

Одно дело — поговорить с Ксавье с глазу на глаз, и совсем другое — развлекаться в его компании. Кузен не позволит Бэкенхему остаться в стороне, непременно станет подталкивать его ко всякому непотребству. К примеру, предложит угоститься виноградом из пупка полуголой красотки. Или навяжет какую-нибудь светскую распутницу, которую придется ублажать, чтобы не оскорбить ее чувствительную натуру.

Нет уж, увольте.

Нельзя сказать, что Бэкенхем не интересовался прекрасным полом. Весьма и весьма интересовался и удовлетворял свой интерес часто и — если верить сплетницам — с изрядным мастерством. Дамы считали его великолепным любовником. Допустим. Но это вовсе не значило, что он готов совокупляться с кем угодно, где угодно, да еще при свидетелях.

Дворецкий с пониманием посмотрел на него и снова поклонился.

— Не извольте беспокоиться, милорд.

Глядя на мачеху, Джорджиана Блэк в который раз задавалась вопросом, как отца угораздило жениться на такой идиотке. Интересно, о чем он думал? Наверняка только о ее прелестях.

Эти прелести давно отошли в область преданий. Вздорный нрав и праздное существование не лучшим образом отразились на лице и фигуре леди Блэк. Она раздалась, поблекла, подурнела. Единственной ее заслугой стало рождение ребенка. Правда, сэр Доналд хотел сына, а получилась еще одна дочь, Вайолет. Сейчас ей было уже семнадцать.

Чуть больше года назад сэр Доналд скончался. Незадолго до смерти он поддался на уговоры жены, изменил завещание и отписал поместье в Глостершире Вайолет. Примерное наказание для Джорджи за то, что она посмела разорвать помолвку с графом Бэкенхемом и упорно отказывала другим весьма достойным претендентам на ее руку и сердце.

Джорджи волей-неволей пришлось смириться с потерей Кloverли-Мэнор. Конечно, это страшный удар, но нет худа без добра. По крайней мере, ей не пришлось бы до конца дней соседствовать с бывшим женихом.

Кроме того, отец не оставил ее без средств. Он со скрупулезной точностью поделил имущество на равные доли. Младшей дочери досталось поместье, старшей — немалое состояние. Деньги и ценные бумаги, размещенные под надежной финансовой опекой, должны перейти к Джорджи, когда той исполнится двадцать пять. Или в день свадьбы, если таковая случится раньше.

Свадьбы не предвиделось, а двадцатипятилетие совсем скоро. Всего через несколько месяцев Джорджи могла бы обзавестись собственным домом. Однако она решила не спешить и подождать, пока устроится судьба младшей сестры. Нельзя оставлять Вайолет